

Прислушайтесь—славятъ величіе Бога,
А вы говорите, что эго мяга,
Что Богъ и религія—сказка прекрасная,
Что атомъ началъ всему положитъ.
Безумцы, сказавшію глупость ужасную!
Гдѣ атомъ и какъ онъ творилъ?
И если нѣтъ Бога, религія—сказка
И жизни за гробомъ ужъ нѣтъ,
Такъ жить для чего же? страдать-то
за чѣмъ же?

Безумцы ослѣпшію, дайте отвѣтъ!

Ученица Тоб. жен. гимназіи *Н. Салмина.*

Уроки настоящей войны.

Война сама по себѣ есть великое бѣдствіе, и зло. Изъ премудрыхъ-же дѣлахъ Божіихъ войны приносятъ и благодѣяніе народамъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Возьмемъ въ примѣръ Россію. Крымская война значительно подняла патриотизмъ русскаго народа, подняла его самосознаніе и вызвала развитіе русской литературы, затѣмъ эта война привела къ освободительнымъ реформамъ императора Александра II. Русско-Японская война привела насъ къ Государственной Думѣ и т. д.

Такъ какъ настоящая война по своимъ жертвамъ является безпримѣрной въ исторіи, то и благодѣтельные послѣдствія отъ нея должны быть особенно значительными для человѣчества. Германскій народъ до настоящей войны утѣлялъ міръ своимъ развитіемъ во всѣхъ областяхъ жизни и науки. Возьмите нѣмецкое богословіе, особенно философію, припомните великія имена — Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Гартмана, Фихте... Вспомните корифея нѣмецкой литературы — Шллера, Гете, Шнильгегена...

Здѣсь, въ Германіи, много было всемірныхъ медицинскихъ авторитетовъ, здѣсь фабриковались медицинскіе препараты и медикаменты почти для всего міра, а изготовленіе оптическихъ стеколъ составляло монополію Германіи. Нѣмецкая военная техника была доведена до совершенства. Въ торгово-промышленномъ отношеніи Германія также занимала первое мѣсто на міровомъ рынкѣ. Словомъ, умъ—эго, по выраженію Бокля, некра Божества, въ нѣмецкомъ народѣ, повидимому, достигъ своего полного развитія и красоты.

Оставалось только народу-этому спокойно трудиться и благодарить подателя всѣхъ благъ—Бога: по лютрапство, какъ видно, не удержало нѣмецкій умъ въ послушаніи вѣри, нѣмецкій народъ возгордился своимъ прогрессомъ и экономическимъ благосостояніемъ и задумалъ насильемъ покорить себѣ всѣ народы Европы. За такое преступное намѣреніе Богъ затмилъ душевныя очи нѣмцевъ, и они забыли грозный историческій урокъ въ лицѣ Наполеона I-го, также, подобно Вильгельму, задумавшему покорить весь міръ, и началось ужасное и безцѣльное истребленіе человѣчества, памятниковъ искусства и науки, храмовъ Божіихъ, насиліе и истребленіе беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. Начались дѣянія, свойственныя только народу языческому, но никакъ не христіанскому.

Гдѣ-же ваша, нѣмцы, хваленая культура, гдѣ ваша наука и философія? Почему она не удержала насъ на высотѣ святѣйшаго изъ званій—человѣка? Почему изъ аккуратныхъ и корректныхъ людей вы превратились чуть-ли не въ звѣрей? А потому, что ваша культура была построена не на христіанскихъ началахъ

любви и милосердія, а на языческихъ—грубаго эгоизма и расовой ненависти; потому, что во всѣхъ своихъ дѣлахъ вы руководствовались девизомъ: „борьба за существованіе“.

Маловѣріе, крайне жестокой и циничный эгоизмъ, классовая и расовая ненависть, жажда и пресыщеніе чувственными, иногда и привоистественными удовольствіями (гретій полъ Берлина), — все это служило признакомъ того, что чаша гнѣва Божія переполнилась и что нужно ждать наказанія сообразно виновности... И оно послѣдовало, и такое ужасное, что отъ него содрогнулся весь міръ...

Но по до конца прогнѣвается Господь, ниже во вѣкъ враждуетъ (исал. 102, ст. 9).

Объектомъ войны для Германіи служили сначала Франція и Россія. Казалось бы, что остальнымъ государствамъ Европы выгодно было, чтобы такія могущественныя государства, какъ Россія и Франція, были раздавлены врагомъ и потому вышательства со стороны ихъ нельзя было ожидать, но христіанскія начала любви и милосердія взяли верхъ надъ эгоизмомъ: союзники возмущались способомъ веденія войны нѣмцами, сплотились между собою и организовали плановѣрную помощь Франціи и особенно Россіи, какъ войскамъ и военными припасами, такъ и предметами первой необходимости *). Если германская коалиція, будучи побуждаема расовой ненавистію, задалась цѣлю разрушить государства и побѣдить народы, то союзники, въ противовѣстъ этому, исходя изъ христіанскихъ началъ любви и милосердія, противустали такому варварству нѣмцевъ. И мы являемся очевидцами побѣды евангельскихъ началъ надъ языческими, ибо борьба между народами, видимо, приходитъ къ концу, и союзники оказываются побѣдителями.

До настоящей войны люди, хотя и христіане, по не претворившіе въ жизнь свою евангельскихъ истинъ, въ своихъ отношеніяхъ съ людьми и въ своей дѣятельности руководились девизомъ: „борьба за существованіе“, „человѣкъ—человѣку—волкъ“. Настоящая-же война показала человѣчеству другія, болѣе высокія начала жизни и дѣятельности—начала любви, милосердія и взаимопомощи.

Въ этомъ и заключается главный урокъ настоящей войны.

Въ виду такого вывода, можно еще жить на свѣтѣ, можно еще надѣяться увидѣть міръ во всей его нравственной красотѣ. Видно, что есть Промыслъ Божій, есть и избранные, ради которыхъ Богъ пощадилъ міръ и спасъ его отъ гибели, (Мо. гл. 24, ст. 22).

А гибель народовъ, которыхъ коснулся революційный угаръ, въ особенности же Россіи, такъ была близка: всѣ авторитеты пали, царскіе троны разрушились, постоянной и твердой власти не стало, правительствъ смѣняюся, какъ въ калейдоскопѣ, дарованіе народу самоуправленія подѣйствовало на него, какъ крепкое вино, — онъ закружился въ дикой пляскѣ и чуть было не разбилъ себѣ голову; чувства любви и состраданія изсякли, слова—право, справедливость и честь—куда-то изсякли и, казалось, навсегда...

* У здѣсь хотѣли замѣтить, что въ г. Владивостокѣ складчатая площадь, занимающая 24 версты въ длину и 5 версты въ ширину, вся наполнена товарами. Тамъ имѣется товаровъ на 350 милліоновъ пудовъ: тутъ чай, сахаръ, обувь, кож., мануфактура, аптекарскіе и химическіе товары, освѣгительные и смазочные матеріалы и т. д.

Понятиѣ, еслѣ-бы не Господь былъ съ нами, когда возстали на насъ люди, то живыхъ они поглотили-бы насъ, когда возгорѣлась ярость ихъ на насъ (исах. 123, ст. 2 и 3).

Будемъ-же молить Господа, чтобы настоящій наступившій годъ былъ годомъ мира и строительства, чтобы люди обновились духовно, пропитавшись евангельскими началами любви, милосердія, благожелательности и взаимопомощи, чтобы народы міра или другъ къ другу съ прямою и открытою душою, чтобы канулъ въ вѣчность милитаризмъ и пресловутый „вооруженный“ миръ и чтобы, наконецъ, Русь стала попрежнему — святою и могучею.

Священникъ Стефанъ Филипповъ.

Епископъ Гермогенъ Тобольскій въ Екатеринбургскомъ заточеніи.

Будучи вывезенъ изъ Тобольска въ ночь на В. Попедѣльникъ, Еп. Гермогенъ въ Екатеринбургъ былъ доставленъ подъ конвоемъ красноармейцевъ въ среду Страстной седмицы, 18 апрѣля (I, XV), и томился здѣсь въ тюремномъ заключеніи около двухъ мѣсяцевъ до 12-13 іюня (25-26 VI), когда выѣстъ съ нѣсколькими другими узниками, въ числѣ которыхъ находился свящ. Каменскаго з. Камышл. у. о. Пейръ Корелинъ, былъ отправленъ обратно по направленію къ Тюмени.

За все время заточенія Владыки здѣсь мѣстомъ пребыванія его былъ такъ наз. „подтюремокъ“ — арестный домъ, что вблизи Свѣтлой площади, рядомъ съ Симеоновской церковью. Въ этомъ непримечательномъ, двухъэтажномъ зданіи, навѣвающимъ на всякаго проходящаго мимо него чувство невольнаго страха, для многострадальнаго епископа была отведена одиночная камера № 10, выходящая дворью въ особый малый корридоръ, примыкающій перпендикулярно къ главному, но отдѣленный отъ послѣдняго глухою дверью и запоромъ. Изъ трехъ комнатъ, расположенныхъ на этомъ корридорчикѣ, камера Еп. Гермогена была средней и по величинѣ своей была не болѣе двухъ сажень длины и 2-2½ аршинъ ширины. Расположенное въ одной изъ этихъ смѣжныхъ помѣщеній, всего лишь за тонкой стѣной, отхожее мѣсто смертный воздухъ камеры Владыки дѣлало еще болѣе ужаснымъ, не говоря уже о томъ, что великій страдалецъ естественно не могъ не слышать производившихся отправленій въ этомъ мерзкомъ мѣстѣ.

Надзоръ со стороны администраціи былъ все время очень строгимъ, камера постоянно находилась на запорѣ; пронести можно было только обѣдъ, доставлявшійся изъ мѣстнаго женскаго монастыря, воду для чая и, каждый разъ съ разрѣшенія комиссара, одну—две книжки рел.-прав. содержанія. Не знавшіе пощады и жалости мучители лишили еп. ского даже возможности пользоваться ежедневной прогулкою, такъ какъ, не удовлетворяясь обычными надсмѣшками, комиссаръ Оллетинъ въ одинъ изъ первыхъ же дней пребыванія Владыки распорядился на время прогулки послѣдняго всѣхъ заключенныхъ запереть въ камеры, выпустивъ лишь какую-то польку, а затѣмъ со всей стражей двора и частью глазѣвшихъ изъ камеръ узниковъ открыто и дерзко потѣшались и говорили всякаго рода гнусности по адресу гулявшаго Еп. Гермогена и его невольной спутницы. Разумѣется, при такихъ условіяхъ Владыкѣ пришлось отказаться отъ возможности пользоваться свѣжимъ воздухомъ вплоть почти до самаго конца заключенія.

При всемъ томъ еп. Гермогену чрезъ посредство сторожа-старика Семена Борисова удалось завести сношеніе съ вѣнскимъ міромъ въ видѣ переписки съ священникомъ Симеоновской церкви, о. Николаемъ Богородицкимъ, а чрезъ послѣдняго и съ мѣстнымъ Еп. Григоріемъ и съ прибывшей изъ Тюмени въ лицѣ брата Еп. Гермогена — прот. о. Ефрема Долганова, свящ. о. Михаила Макарова и прис. повѣр. К. А. Минятона, — делегаціей.

Изъ этой переписки, а также изъ рассказовъ вышеупомянутыхъ, входившихъ въ общеніе съ многострадальнымъ узникомъ, лицъ мы можемъ судить какъ о вѣнней сторонѣ препровожденія имъ томительнаго долгихъ двухъ мѣсяцевъ заключенія, такъ и о внутреннихъ переживаніяхъ и настроеніи его за это безпримѣрно тяжелое время.

Что же дѣлалъ и какъ себя чувствовалъ этотъ второй великій Гермогенъ нашихъ дней въ своемъ заточеніи?

По словамъ вышеназваннаго сторожа — старика, Еп. Гермогенъ, „какъ ни посмотришь въ дверной глазокъ, или читалъ, или писалъ, или больше молился и пѣлъ церковныя пѣснопѣнія.“

Читалъ Владыка по преимуществу св. Евангеліе (въ переводѣ Побѣдопосцева), видѣнное нами при посѣщеніи его камеры на столѣ, вѣроятно, привезенное имъ съ собой изъ Тобольска, и нѣкоторыя рел.-прав. книги, какъ напр. „житіе прав. Симеона Верхотурскаго“, о которой онъ просилъ о. Н. Богородицкаго первой своей запиской къ тому и нѣкот. др. книги, посланныя и возвращенныя Владыкой. Кстати сказать, въ эти пересылаемыя туда и обратно книги вкладывалась переписка въ формѣ небольшихъ клочковъ и листочковъ бумаги.

Писалъ Владыка прежде всего объяснительную записку „на всѣ, по возможности, обстоятельства“ своего дѣла, которая, „согласно полученію разрѣшенію“, Еп. Гермогеномъ не позже первыхъ чиселъ мая по ст. ст. была передана въ Екатеринбургскій областной совѣтъ народныхъ комиссаровъ. Копіи этой записки, по смотру на выраженное Владыкою намѣреніе представить ее „немедленно“ Священному Собору и Патриарху, не оказалось въ наличности, но о содержаніи ея отчасти можно судить по другому документу, сохранившемуся и находящемуся въ настоящее время въ копіи въ нашемъ распоряженіи и пользованіи. Это „донесеніе Всероссійскому Церковному Собору и Его Святейшеству... Тихону, Патриарху Московскому и Всея Россіи,“ — посланіе, заслуживающее по важности своего содержанія всеобщаго оповѣщенія. Въ этомъ донесеніи, дѣлящемся на четыре части, съ одной стороны, встаетъ предъ нами въ своемъ величій правдивый обликъ Еп. Гермогена, и какъ архипастыря, всей душой своей любящаго и преданнаго святой православной русской Церкви, и какъ дерзновеннаго пророка, указующаго русскому народу всю опасность его настоящаго положенія и всю ту бездну гибели, въ которую онъ ввергаетъ себя своими безумными дѣйствіями; съ другой же — сатанинская злоба, коварство и ложь враговъ его съ особенной силой выдѣляются на фонѣ этого спокойно величественнаго и глубоко захватывающаго по своей непримѣнной трагичности повѣствованія мученика Владыки о своихъ заключеніяхъ. Въ первой части донесенія своего Еп. Гермогенъ выявляетъ свои истинныя отношенія къ бывшему царю и къ его семейству въ бытность свою на Тобольской кафедрѣ Еп. Гермогенъ, по его словамъ,